

Тонкие материи

Утвержденный несколько лет назад комплекс мер по развитию российской легкой промышленности позволил отрасли не раствориться окончательно в китайской продукции. Однако сделанного явно недостаточно. Чтобы придать новый импульс, государство взялось за разработку Стратегии развития легкой промышленности до 2020 года

Автор: Екатерина Филиппенко

В конце июня президент **Дмитрий Медведев** специально приехал в Иваново, чтобы обсудить проблемы модернизации текстильной промышленности на заседании президиума Госсовета, и заявил, что ситуация в отрасли его не радует. Два обстоятельства мешают развиваться текстильной и швейной промышленности: техническая отсталость и незащищенность от незаконного ввоза и выпуска, подчеркнул глава государства. Чтобы решить эти и другие проблемы легпрома, требуется разработать Стратегию развития легкой промышленности до 2020 года, заявил в свою очередь министр промышленности и торговли **Виктор Христенко**.

Напомним, что попытки удержать отрасль на плаву уже предпринимались. В частности, из бюджета были выделены средства для субсидирования процентных ставок по кредитам на приобретение сырья и материалов (сначала 100 млн рублей в год, сейчас — 200 млн). Кроме того, 100 млн рублей выделили для субсидирования процентных ставок по кредитам на закупку технологического оборудования и запчастей к нему. Более того, текстильщикам разрешили беспошлинный ввоз тех видов оборудования, которые в России не производятся. По сути, ввозить с нулевой ставкой теперь можно практически все, ведь станкостроение балует текстильщиков лишь очень немногими видами продукции. «Чулочные автоматы, которые производятся в Туле, чебоксарские ткацкие станки, отдельные виды трикотажных и швейных машин, — перечисляет **Борис Фомин**, глава Российского союза предпринимателей текстильной и легкой промышленности, — и ни одной прядильной машины».

Самую искреннюю благодарность у представителей бизнеса вызвало ужесточение работы таможенных служб. Усиление контроля на российской границе приостановило лавину китайского и турецкого контрафакта: удельный вес этих товаров снизился с 70 до 50%, хотя объем остался прежним. Оставшаяся половина рынка распределяется так: легальный импорт занимает 30%, российские производители — оставшиеся 20% (см. график 1).

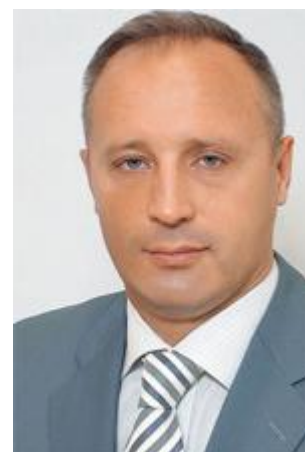
После принятия комплекса мер отрасль вскоре показала признаки выздоровления — о приросте производства, составившем в 2006 году 7%, с огромным удовольствием говорили многие чиновники и предприниматели. Но 2007 год поумерил оптимизм: производство снизилось на 1%, и стало понятно, что нерешенных проблем хоть отбавляй (см. графики 2, 3). Борис Фомин говорит о трех сценариях развития легпрома. Если плыть по течению, то к 2020 году наши производители будут занимать максимум 8–10% рынка. Если продолжать делать то, что делается сейчас — субсидировать кредиты и разрешить беспощинный ввоз оборудования, — то отечественные производители сохранят нынешнюю 20-процентную долю рынка. Получить же «контрольный пакет акций» — занять 50% процентов рынка — можно лишь благодаря инвестициям в основной капитал на уровне не менее 14 млрд рублей в год. К слову, на кону стоит второй по объему рынок ТНП (после продуктов питания), составляющий сейчас 1,6 трлн рублей (см. график 4). При этом потребность страны в текстильной продукции, по прогнозам экспертов, будет расти на 7% в год, и в 2020 году емкость рынка может составить 3,5 трлн рублей (см. графики 5, 6).

Утром деньги — вечером джинсы

Глава Минпромторга Виктор Христенко, выступая на заседании президиума Госсовета в Иванове, признался, что вопрос привлечения инвестиций в отрасль стал самым острым и обсуждаемым в рабочей группе по разработке стратегии. Еще бы: износ оборудования в отрасли сегодня катастрофический — он составляет 60%. При такой отсталости россиянам и думать не стоит о том, чтобы бороться за собственный рынок с такими монстрами текстильного производства, как Турция, Китай или Пакистан. На объем тех средств, которые затрачивают на переоснащение наши производители, без слез не взглянешь, особенно если сопоставить его с инвестициями в Китае. Если китайская легкая промышленность тратит на техническое перевооружение в среднем 9 млрд долларов ежегодно, то наша — 260 млн. В 2004–2006 годах китайцы приобрели 21 млн новых веретен, а россияне — 21 тыс., в Поднебесной за этот период установили 121 тыс. ткацких станков, а у нас всего 167. «А как мы можем перевооружаться, — сетует Фомин, — если вся прибыль отрасли составила три миллиарда рублей, а один только станок стоит не меньше трехсот тысяч долларов». Борис Фомин привел редкий пример успешного поиска инвестиций одной из самых стабильных компаний по производству одежды — «Глория джинс». В 1997 году соучредителем чуда российского швейного производства стал Европейский банк реконструкции и развития, который приобрел около 20% акций компании. В 2001 году россияне выкупили акции собственного предприятия у ЕБРР, а банк назвал вложения одним из самых своих успешных российских инвестпроектов. «А что остальные компании? Большинство из них работает на таком старом оборудовании, которое ничего не стоит, им заложить нечего, — рассказывает Фомин. — Они не подойдут под жесткие критерии ЕБРР, вот мы и хотим, чтобы о них позаботились российские институты развития». Однако ни помощь Внешэкономбанка, ни средства Инвестиционного фонда большинству текстильщиков недоступны. На деньги Инвестфонда претендуют лишь несколько производителей: текстильная корпорация «Красно» из Тюмени, у которой есть проект на 6 млрд рублей, «Трехгорная мануфактура» (ее планируют перенести из Москвы в Ярославскую область). Кроме того, обсуждаются еще два масштабных проекта — создание льняного кластера в Вологодской области и производство льняных и смесовых тканей на Яковлевской мануфактуре в Ивановской области. Остальные же производители не могут преодолеть планку Инвестфонда в 5 млрд рублей

Борис Фомин, глава Российского союза предпринимателей текстильной и легкой промышленности, считает, что для получения «контрольного пакета акций» российского рынка текстиля необходимы инвестиции в основной капитал не менее 14 млрд рублей в год

Алексей Крикун, вице-президент Альянса «Русский текстиль», полагает, что меры, направленные против демпинга со стороны азиатских стран, должны быть кардинальными, вплоть до ввода квот на импорт продукции тамошнего легпрома

— проекты с меньшим объемом инвестиций чиновники, распределяющие средства фонда, даже не станут рассматривать.

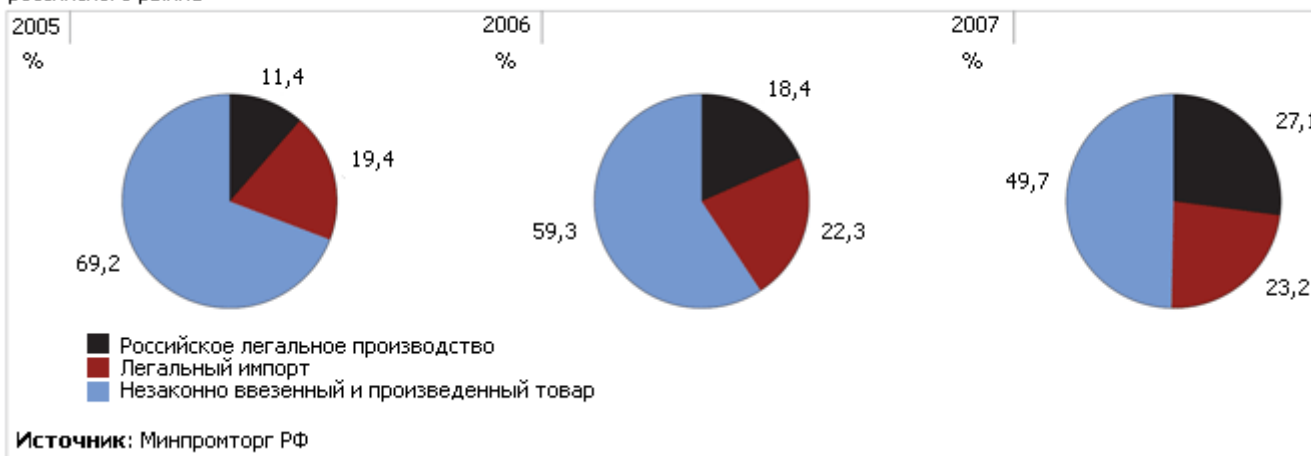
У нас есть несколько регионов, живущих в основном за счет этого производства, к примеру Ивановская и Костромская области. По статистике, региональные власти вкладывают в десять раз больше в текстильную промышленность, чем федеральный бюджет. Одна только Московская область выделила на субсидии 100 млн рублей за последние два года. Но этого явно не хватает. По сравнению с теми тепличными условиями, в которых развивается китайская и турецкая промышленность, наших текстильщиков держат в ежовых рукавицах. Например, Китай не только на пять лет освобождает своих новых производителей от налога на прибыль, но еще и в последующие пять лет позволяет платить им 15 или даже 10% налога, если половина продукции идет на экспорт. Наши же текстильщики платят в среднем 24% налога на прибыль. После запуска производства китайские фирмы недоплачивают 10% НДС, а при закупке современного импортного оборудования и вовсе не платят НДС и пошлины. Российские же текстильщики обязаны платить 18% НДС с тех самых станков, которые они сейчас ввозят с нулевой пошлиной.

После заседания президиума Госсовета отрасль с нетерпением ждет, что предпримет государство. Известно, что поддержку профильных министерств получили идеи увеличения субсидий к 2011 году до уровня 600 млн рублей в год на сырье и 700 млн — на техперевооружение (см. таблицу). Затраты, возможно, будут возмещаться не на одну треть ставки рефинансирования ЦБ РФ, как раньше, а на две трети: о необходимости этого шага говорил Виктор Христенко.

Распахнутые двери

Но даже если завтра произойдет чудо и наши предприятия получат деньги в виде субсидий и прямых инвестиций и быстро перевооружатся, битва за рынок вряд ли будет тут же выиграна. По мнению Бориса Фомина, те, кто все еще занимается текстильным производством, — энтузиасты, которые пытаются выжить вопреки законам рынка. Простой пример: крупнейший производитель тканей и белья — Альянс «Русский текстиль» (АРТ) — несколько лет назад сменил приоритеты. На АРТ приходится 25% российского производства хлопчатобумажных тканей и 8% рынка постельного белья. Недавно холдинг стал развивать и еще одно направление — выпуск одежды. Но менеджмент компании отказался от идеи размещать производство в России, так как это оказалось невыгодно — на данном этапе все шьется в Китае и Пакистане. Пару лет назад в компании подсчитали, что производство альянса имеет рентабельность 30–40%, а реализация продукции — 70–90%. В деятельности компании были расставлены другие акценты, и сделаны они были явно не в пользу производства.

№1. Хотя объемы нелегального импорта и производства товаров легпрома снизилась, на них до сих пор приходится половина российского рынка

Президиум Госсовета поддержал идею увеличения субсидирования ставок по кредитам — на эти цели могут выделить 1,3 млрд рублей в 2011 году

Год	2009	2010	2011	Увеличение размера	Результаты
Субсидии на осуществление сезонных закупок сырья и материалов	400 млн руб.	500 млн руб.	600 млн руб.	возмещения затрат по процентам на кредиты	Привлечение 8,5 млрд руб. на пополнение оборотных средств
Субсидии на техническое перевооружение	500 млн руб.	600 млн руб.	700 млн руб.	с 1/2 до 2/3 процентной ставки ЦБ (сейчас 5,25% — предлагается 7%)	Привлечение 10 млрд руб. на техперевооружение, модернизация 7-10 предприятий в год

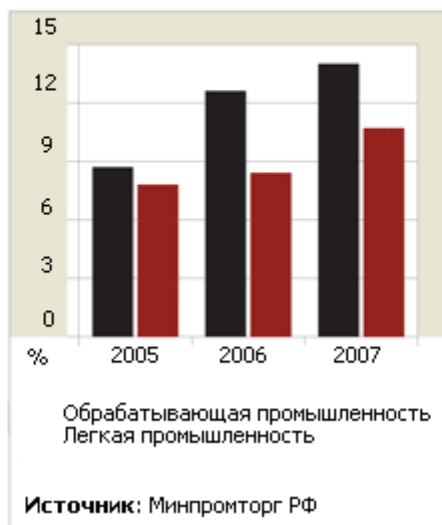
Источник: Российский союз предпринимателей текстильной и легкой промышленности

Демпинг со стороны Турции и Китая губит все идеи наших производителей, которые в один голос говорят о том, что пошлины на ввоз импортной продукции надо поднять. «Необходимо дать преференции отрасли до того, как мы вступим в ВТО, — отмечает **Галина Барышева**, советник президента «Рослегпрома». — Импорт нам нужен, но дорогой. Понятно, что нет проблем с последними модными коллекциями, поступающими в бутики, но основной спрос в России приходится на дешевые вещи, и этот сегмент мы должны отвоевывать». Советник президента «Рослегпрома» приводит пример с обувью: в прошлом году ставки на импорт были понижены на 25–30%, и доля обуви отечественного производства сократилась с 16 до 11,9%. **Алексей Крикун**, вице-президент Альянса «Русский текстиль», считает, что меры должны быть кардинальными: «Необходимо повысить пошлины на импорт и ввести квоты на ввоз текстиля и другой продукции легпрома из-за границы. Тогда как вступление в ВТО, напротив, предполагает снижение пошлин. А низкие пошлины — прямой путь к развалу отечественной текстильной промышленности, и ситуация, которая сложилась в Европе, наглядно это подтверждает. У нас, как и в других европейских странах, очень высоки издержки производства. В России они растут куда более высокими темпами, чем в Китае или Пакистане. Поэтому дешевый импорт из Азии ставит развитие отечественной текстильной промышленности под угрозу. Если мы не сможем защитить рынок от демпинга, говорить о развитии этой отрасли невозможно».

№2. Доля убыточных предприятий в легпроме гораздо больше, чем в целом по промышленности

№3. Коэффициент обновления основных фондов в легкой промышленности вырос почти на 3%, но текстильная отрасль все равно обновляется медленнее, чем другие

№4. Рынок легкой промышленности второй после продовольственного ТНП

В среднем рентабельность производства у текстильщиков составляет, по разным оценкам, от 2 до 7%, а рентабельность продаж — 30–40%, а если речь идет о контрафактной продукции, то, по

оценкам Галины Барышевой, доходность зашкаливает за сотни процентов. Какой смысл производить продукцию внутри страны, когда можно организовать нелегальное производство где-нибудь в Китае, а потом, не платя ни НДС, ни пошлин, привезти в Россию и продавать? По мнению Барышевой, нужно хотя бы частично закрыть рынок и сделать торговлю более цивилизованной — тогда появляется шанс выжить. «Я считаю, что рабочая группа, созданная при Минпромторге, поработала отлично — нам удалось добиться снижения ввоза нелегальной продукции. Но сейчас эту проблему, без сомнения, нужно вынести на правительственный уровень, группа должна стать межминистерской. Необходима серьезная программа искоренения контрабанды и контрафакта».

№95. Российские производители поставляют на рынок всего 16,5% текстиля и 5,8% обуви

№96. За последние пять лет розничный оборот изделий легпрома в России вырос вдвое, а продажи отечественной продукции - всего на 60%

№97. Основной спрос на текстиль в приходится на хлопчатобумажные сырье для которых - хлопок - почти импортное

Помимо таможенных и финансовых мер разрабатываются и другие меры борьбы с засильем импорта. В частности, как отметил Виктор Христенко, вклад в дело защиты внутреннего рынка может быть сделан с помощью инструментов технического регулирования. Так, Минпромторг разработал, согласовал со всеми ведомствами и направил на утверждение в правительство техрегламент «О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков». Действие данного документа, как ожидается, позволит снизить поток товаров из Китая и Юго-Восточной Азии, не соответствующих требованиям безопасности и гигиены.

В зависимости от того, какими будут финансовая политика и насколько серьезно станут бороться против нелегальной продукции, зависит будущее отрасли. Борис Фомин видит два пути развития: первый — это обеспечение нужд государства и промышленности, выпуск «умных материалов», в том числе и с использованием нанотехнологий. По такому пути пошли, в частности, Германия, Бельгия, Швейцария. Есть и другой путь — в дополнение к изделиям технического назначения развивать и производство потребительских товаров. Борис Фомин видит перспективы в химизации отрасли, в производстве смесовых тканей и пряжи, а также в выпуске технического текстиля. «Нужна серьезная межотраслевая кооперация. Вот смотрите — продолжает он, — у нас колоссальная потребность в полиэфоре как сырье. Его переработка в ткани, готовые швейные изделия и другую текстильную продукцию обеспечивает добавленную стоимость в сто раз больше, чем у нефти, а мы покупаем его в Китае и Белоруссии. Глубокая переработка нефтепродуктов позволит нам, например, создать огромный кластер в Иванове, выпускать современную качественную продукцию. В Нижнекамске готовы начать такое производство, но требуются прямые инвестиции в инфраструктуру. И это задача государства».

Тему продолжает Алексей Крикун: «Среди направлений, перспективных для развития, я бы выделил производство махровых изделий, трикотажного полотна. В России также можно наладить производство химического волокна — продукции нефтехимического комплекса высокой степени переработки. Сегодня производственные мощности сосредоточены в Китае и Южной Корее. Мы вполне могли бы занять место на этом рынке, поскольку в стране есть необходимая сырьевая база и ресурсы».

Как ожидается, развитию сырьевой базы будет уделено значительное внимание в стратегии (см. график 7). В первую очередь речь должна идти о льне, химических волокнах и нитях, а также о вискозе — то есть тех видах сырья, для производства которых в России есть достаточные природные ресурсы и технологии, отмечают в Минпромторге. Экспортные пошлины на сырье, производимое в России, могут быть повышены: так будет стимулироваться переработка внутри страны, а вот в случае с импортом сырья и материалов, не выпускаемых в России, ввозные таможенные пошлины могут быть уменьшены или даже отменены.

«Нужно, чтобы в текстильной отрасли появились инновации, — считают эксперты по рынку текстильной промышленности маркетингового агентства ГК Step by Step. — Совместно с Минэкономразвития на конкурентной основе нужно подобрать лучших мировых специалистов текстильной промышленности, также требуется переходить на что-то новое, например на искусственное волокно, химическую нить». Кстати, Министерство промышленности и торговли объявило о готовности продолжать политику финансирования НИОКР на разработку новых материалов и технологий.

А пока текстильщики с нетерпением ждут стратегии развития своей отрасли: с появлением документа судьба российской легкой промышленности станет понятнее. В Минпромторге настроены оптимистично: если все необходимые изменения будут зафиксированы в стратегии и реализованы на практике, то, учитывая сравнительно короткий инвестиционный цикл в легкой

промышленности, в министерстве прогнозируют по меньшей мере удвоение объема производства в течение пяти-семи лет, рост рентабельности производств до 8–15%, импортозамещение и рост экспорта продукции в два-два с половиной раза.